1

Самолет плюхается с неба на взлетно-посадочную полосу, точно курица с плетня, некоторое время катится, неуклюже подпрыгивая, по металлическим плитам покрытия и наконец замирает напротив здания аэропорта, если это можно так назвать.

В принципе Нору предупреждали, что во время авиаперелета от Васькова до Соловков пассажир воздушного судна рискует получить массу интересных впечатлений, но она не ожидала, что они окажутся *настолько* интересными. Зато с погодой повезло. Сильный ветер и низкая облачность, характерные для здешних мест, могли отрезать острова от материка на несколько дней и даже недель. В этом случае повидаться с младшей сестрой опять не удалось бы.

Подхватив чемодан, Нора выходит из деревянного сарая, стены которого выкрашены голубой масляной краской — это и есть здание аэропорта, — и сразу же видит припаркованную неподалеку тюнингованную зеленую «Ниву» сестры. Сама Лера уже бежит навстречу, приветственно машет рукой. Сейчас будут объятия и поцелуи. Ну, ладно. По крайней мере большая часть этого утомительного путешествия позади.

Их покойные родители носили простые честные имена: Мария и Александр. Вероятно, острый дефицит экзотики привел к тому, что дочерей они назвали Элеонора и Валерия. В детстве Нора сильно переживала по этому

поводу и несколько раз обращалась к родителям с просьбой переименовать ее в Таню или Наташу. Всю жизнь, что ли, теперь быть объектом для насмешек? И только после появления во дворе девочки по имени Венера ей малость полегчало.

Лера забирает у нее чемодан, грузит в багажник. Оборачивается. Ее дивная улыбка — только глазами, не губами, — согревает Нору и вызывает ответную улыбку, правда, совершенно обычную. Не будучи любительницей бурных эмоциональных проявлений, Лера всегда умудрялась обозначить желаемое, используя минимум выразительных средств.

Они обнимаются.

— Устала? — спрашивает Лера. — Обед в два часа дня, как раз успеем. Я приготовила для тебя комнату с окнами на восток. Ты же любишь просыпаться вместе с солнцем? Садись в машину.

Надо же, она это помнит. Продолжая улыбаться, теперь уже не сестре, а собственным мыслям, Нора устраивается на пассажирском сиденье и достает из сумки солнцезащитные очки.

— За всю неделю капли с неба не упало, — продолжает Лера, разворачиваясь на грунтовой дороге. — И солнце с утра до вечера. Не иначе как в твою честь.

— Ой, брось, — отмахивается Нора. — Навряд ли Герман, Зосима и Савватий* сочли бы меня достойной этой чести.

---

* Герман, Зосима и Савватий — святые чудотворцы, основатели ставропигиального мужского монастыря Русской православной церкви на Соловецком архипелаге.

— На островах Беломорья и до святых отцов много кто проживал.

— Я догадываюсь. Язычники. Саамы. Ты покажешь мне все эти *места силы* или как их принято называть?

— Покажу. Если не я, то ребята. Мне не каждый день удается улизнуть с фермы.

Дорога, по обочинам заросшая кустарником, пронизанные солнечным светом кроны деревьев, медовый запах трав... мерцающие блики, зелень, все оттенки зеленого... снова блики, очарование дикой природы, долгожданное одиночество, отстраненность, отрешенность. В такие минуты начинаешь понимать отшельников. Жить здесь среди зайцев, белок и лис, вкушать плоды земли, ягоды и злаки. Акриды и дикий мед, да.

— Как Аркадий? — спрашивает Нора, поборов неловкость.

Нельзя же не спросить.

— Всё в порядке, спасибо, — после паузы отвечает Лера. — Мне кажется, здесь он чувствует себя на своем месте.

Наконец проходимой остается лишь одна условная полоса. Ветви деревьев хлещут по стеклам «Нивы» с обеих сторон. А если кто навстречу? Но и это становится безразлично после тридцати минут езды по этой дороге, полной солнечных бликов, зелени и волшебства.

Улизнуть с фермы.

Ферма.

Нора помнит, как все это начиналось. Преуспевающий опытный врач — нарколог, анестезиолог и реаниматолог, — выпускник и сотрудник Первого МГМУ им. Сеченова, Аркадий Петрович Шадрин вдруг бросил всё и по-

дался на Соловки. Злые языки утверждали, что во всем виновата женщина, причем совершенно конкретная, специалист из того же отделения, которая покинула клинику незадолго до него. Молодая и красивая. Ну, еще бы. Из-за таких планеты и сходят с орбит. Года три или четыре об Аркадии ничего не было слышно, после чего — опять же вдруг, — он объявился уже как владелец и управляющий «фермы», где юноши и девушки, решившие завязать с наркотиками, могли провести несколько недель или месяцев, самый трудный период. Доктор Шадрин не отказывал в помощи и покровительстве тем, кто соблюдал его правила и кому больше некуда было идти. Каким образом удалось получить разрешение на строительство этого своеобразного реабилитационного центра на территории заповедника, нашел ли Аркадий спонсора для своего проекта или получил наследство от американского дядюшки — чего только на белом свете не бывает, — осталось на уровне догадок. Но факт наличия центра был налицо. Информация о нем даже появилась в интернете. Лера в то время как раз собирала материал для кандидатской. Доктор пригласил ее на ферму, где материала было более чем достаточно. Она приехала. И осталась. Насовсем.

Друзья, родственники и коллеги были в шоке. Нора тоже не сразу свыклась с мыслью, что ее сестра теперь работница психонаркодиспансера и самая натуральная отшельница.

«А как же диссертация? Работа, карьера? Личная жизнь, наконец? *Твоя* личная жизнь. Шадрин залечивает сердечные раны, это ясно. Но что там делаешь ты?..»

«Я живу там свою жизнь, — спокойно ответила Лера. — Личную жизнь».

«Все знают, что Аркадий Шадрин рванул на Север, потому что Регина Новак дала ему от ворот поворот».

«Во-первых: это неправда. Они встречались. Регина хотела выйти за него. Но ее родственники были против. Во-вторых: мне на это плевать».

«Какие еще родственники? — изумилась Нора. — Я слышала совсем другую историю».

Но Лера ответила твердо: «Я же сказала, мне плевать. Это мой мужчина. Постарайся понять меня, Нора, ладно?»

Понять такое было невозможно, но принять — вполне. Лера была уже совершеннолетняя и имела право делать со своей жизнью все, что заблагорассудится.

Ферма огорожена высоким сплошным забором, выкрашенным в цвет хвои. Забота о безопасности тех, кто внутри, или о безопасности тех, кто снаружи? Впрочем, говорят, на острове водятся олени, а олень во дворе — не самое утешительное зрелище. Да, еще лисички-сестрички. Которые таскают курочек-ряб.

Лера сигналит, и долговязый парень в мешковатой одежде распахивает настежь створки ворот. Выглядит он шикарно. На голове замусоленная бандана, белые черепушки на черном поле. Руки по локоть в разводах машинного масла. Вытянутые на коленках и тоже заляпанные черным штаны, исходный цвет которых, кажется, хаки.

— Наш автослесарь Анатолий, — информирует Лера сестру.

— Пациент? Или наемный работник?

— Мы не говорим «пациент», Нора.

— Я имела в виду, он из бывших?

— Да.

Лера останавливает машину на асфальтированной площадке перед гаражом. Анатолий, закрыв ворота, подходит, окидывает выбравшуюся из салона Нору равнодушным взглядом случайного прохожего и, вероятно вспомнив одно из правил доктора Шадрина, сцеживает «здрасьте». Она же, напротив, смотрит на него с нескрываемым любопытством. Колоритный персонаж. Загорелое обветренное лицо — много времени проводит на свежем воздухе, — тонкие губы, выцветшие голубовато-серые глаза. Наверняка банальнейшая история: мальчик из неблагополучной семьи, с раннего детства без присмотра... дурная компания, первая доза бесплатно... а дальше — вниз, вниз, вниз по наклонной плоскости.

Спохватившись, она отвечает на приветствие и направляется к багажнику, чтобы извлечь свой чемодан. Но с другой стороны уже стоит крепыш с явной примесью кавказской крови, кивает Норе, задает короткий вопрос Лере, выхватывает из багажника чемодан и устремляется с ним по выложенной фигурной плиткой дорожке, обрамленной цветущими кустами шиповника, к одноэтажному кирпичному зданию, белеющему штукатуркой среди древесных стволов. В полной растерянности Нора переводит взгляд обратно на Анатолия.

— Идем, — говорит Лера, кивком указывая на дорожку, по которой ушел чемодан. Реакции сестры ее, похоже, забавляют. — Толик загонит машину в гараж.

Но она всё медлит, наблюдая за действиями неприветливого автослесаря. Ее охватывает предчувствие чего-то значительного, чего-то страшного. Быть может, страшного именно своей значительностью? Гараж состоит из четырех боксов. Ворота всех, кроме последнего, открыты,

и в первом можно видеть фургон вроде «газели», во втором — пустое место, предназначенное для «Нивы», а в третьем...

...Тогда это и случилось. Из третьего бокса вышел человек, который в тот момент ей даже не понравился, но которого — вот чего касалось ее предчувствие, — она запомнила — с первого взгляда поняла, что запомнит, — надолго. Возможно, навсегда.

2

Лежа в постели, она смотрит на темный прямоугольник окна в обрамлении веселеньких занавесочек — полевые цветы на бежевом поле, крестьянский стиль, — но видит не их, а лицо парня, который вышел из сумрака гаража на свет божий, привлеченный шумом двигателя и звуками голосов. Нору поразила хризолитовая зелень его глаз и алебастровая чистота кожи в сочетании с угольной чернотой волос. Если бы не высокий рост и худоба, показавшаяся ей чрезмерной, из него могла бы получиться шикарная девчонка.

Взмахом руки этот новый появившийся на сцене персонаж поприветствовал Леру и повернулся к Норе.

«Здравствуйте. — Когда он улыбнулся, стали видны не очень белые, но ровные и определенно здоровые зубы. — Вы, наверное, Элеонора?»

«Да. Называйте меня Нора, пожалуйста».

«Договорились, Нора. Я Герман».

Голос у него был низкий и тихий, абсолютно не соответствующий женственной наружности. Вернее, не женственной, а... Эльфийской, что ли. Да, она наконец поняла. Парень напоминал ей эльфа.

«Гера», — встрял завершивший водворение «Нивы» в гараж Толик.

«Протестую! — тут же отреагировал эльф. — Гера — это Георгий, он же Гоша, он же Жора. Ну, или Герасим как вариант. А я...»

«...А ты Герман. — Толик вскинул грязные руки жестом "сдаюсь". — Как первый инок и первый святой Соловецкой обители».

Они обменялись заговорщическими взглядами, после чего тезка Преподобного Германа вновь скрылся в третьем боксе гаража.

«Тоже из бывших?» — поинтересовалась Нора по дороге к Белому дому.

«Нет, — чуть помедлив, ответила Лера. — Друга привез. Мы давно знакомы. Впервые он появился здесь три года назад. Тоже с другом. Но того, к сожалению, спасти не удалось».

«Так он гей?»

«С чего ты взяла?» — ошарашенно уставилась на нее Лера.

«Тогда с другом, сейчас с другом...»

«О господи. — Лера покачала головой. — Люди дружат иногда. И однополые, и разнополые. Это нормально».

В молчании они дошли до Белого дома. Аркадий отлучился по делам, поэтому чаепитие прошло в непринуждённой, домашней обстановке. Комната с окнами на восток Нору вполне устроила. И если бы не назойливые

мысли о зеленоглазом тезке местного святого, то можно было бы сказать, что отпуск начался — лучше не придумаешь.

Белый дом с полным правом носит такое название. Во-первых, он действительно белый. Во-вторых, в нем обитают Президент и Первая Леди. Снаружи он представляет собой одноэтажную кирпичную постройку с террасой, мансардой, оштукатуренными стенами, черепичной кровлей и шестигранной в плане остекленной оранжереей, соединенной с кухней узким крытым переходом. Внутри, помимо кухни, имеются гостиная, две хозяйские спальни, две спальни для гостей вроде Норы, решивших злоупотребить терпением хозяев, санузел с ванной, а также кабинет, он же контора, с рабочим столом, сейфом, компьютером, сканером и другой порядком устаревшей оргтехникой, где непобедимый доктор Шадрин вершит свои великие дела.

Прочие постоянные или временные пациенты этой импровизированной клиники, члены этого беспокойного семейства, наемные работники, странствующие рыцари и заезжие гастролеры проживают в длинном двухэтажном корпусе, именуемом то Старым домом, то Бараком, то Казармой, в зависимости от настроения говорящего. За корпусом начинается хозяйственный двор с непременным складом, там же зеленеет сад и радует глаз геометрическим орнаментом грядок огород. Дальше стоит курятник, еще дальше — сарай для коз, и уж совсем на задворках, напротив въездных ворот — гаражи. С той стороны, с задворок, Нору и доставили на ферму.

Сна ни в одном глазу. Как всегда на новом месте. Знакомства, впечатления — их слишком много для одного

дня. И еще эта тишина. Звенящая тишина ночного леса, от которой больно ушам. И запахи, запахи! И... всего не перечесть.

Надо признать, что место Аркадий выбрал (или оно его выбрало) на редкость удачное. Полностью соответствующее его целям и задачам. Еще дома, в Москве, ознакомившись с картой архипелага, Нора выяснила, что Новая Сосновка — это бывшее рыболовецкое поселение, ныне заброшенное, расположенное на одноименном мысу. Добраться до него очень и очень непросто, пожалуй, это одно из самых труднодоступных поселений на Большом Соловецком острове. Если ехать по маршруту «аэропорт поселка Соловецкий — Макарьевская пустынь (Ботанический сад) — гора Секирная — Савватиево — Новая Сосновка», нетрудно заметить, что все туристические тропы вместе с туристами заканчиваются возле Секирной горы, и дальше живые люди начинают встречаться только на подъезде к ферме доктора Шадрина, то есть, грубо говоря, еще километров пятнадцать на северо-восток.

После обеда, гуляя по территории в одиночестве — Лере понадобилось срочно обсудить что-то с Аркадием, — Нора восхищалась обилием цветов и трав. Она-то представляла Соловецкие острова как голые каменные глыбы посреди ледяного моря и вдруг оказалась в таком, поистине райском, уголке. И дело было не только в обилии растительности, но и в ее качестве, если можно так выразиться. В насыщенности, ароматности, шелковистости. Она узнала клевер, мятлик, иван-чай, медуницу, ромашку, колокольчик, лютик, незабудку, фиалку, львиный зев... Некоторые места, где не тусовалась буйная моло-

дежь, например пространство между Белым домом и забором, были укрыты сплошным цветочным ковром.

Тогда же, во время прогулки, она опять увидела Германа. Эльф сидел в кресле-качалке под открытым небом, напротив входа во флигель, примыкающий к зданию Барака, курил сигарету и читал. Довольно толстую бумажную книгу. Нору разобрало любопытство — что может читать подобное существо? — но подойти и спросить она постеснялась. Постеснялась или побоялась? Было в нем нечто, заставляющее ожидать подвоха. Грубости, хамства, ехидства — да чего угодно! Причем абсолютно на ровном месте. При всей своей внешней хрупкости внутри он отнюдь не хрупок, не мягок, не великодушен и не добр. Именно это интуитивное понимание сути... или как это правильнее назвать... ее и остановило.

«Есть ли у человека определенная и неизменная суть?» — продолжая думать о своем, задала она вопрос во время позднего ужина в обществе Аркадия и Леры, когда «о природе, о погоде» было уже все сказано.

«Ты по адресу, — добродушно усмехнулась Лера. — Аркадий большой любитель поговорить на эту тему. Особенно с Германом. Как зацепятся языками...»

Нора вздрогнула от удивления.

И он тоже?..

У эльфа явно дар задевать людей за живое. Самим фактом своего существования.

«Определенная и неизменная? Как, например, пол?» — уточнил Аркадий, глядя на нее со своей обычной требовательной серьезностью.

«Ну, да. Нечто такое, что позволяет нам отличать вот этого конкретного человека от прочих, прикидывать, как

он себя поведет в той или иной ситуации, распознавать на уровне свой/чужой».

«Я не считаю, что есть качества, присущие человеку органически. Но считаю, что есть первичный, фундаментальный проект человека в мире».

«Что ты подразумеваешь под проектом?»

«Выбор собственного бытия-в-мире в зависимости от целей. Выбор тех или иных отношений с миром».

«Психологический тип?»

«Нет, тип здесь ни при чем. Вернее, тип можно рассматривать как симптом определенного выбора себя в мире. Но можно и не рассматривать. Тип же не определяет поведение. Человек свободен».

Сидя за столом, Аркадий смотрел на нее спокойно и прямо. Короткостриженые седеющие волосы, стойкий северный загар, серо-стальные глаза. Привлекательный, да. Из тех, о ком говорят «настоящий мужчина».

«Герман с тобой согласен?»

Аркадий чуть улыбнулся.

«Это один из немногих вопросов, по которым между нами существует полное согласие».

«То есть, — продолжала Нора, — любое из качеств, характеризующих человека и кажущихся нам неизменными, на деле может измениться на противоположное? Был трусливым — стал храбрым, был жадным — стал щедрым...»

«Конечно. И если ты хорошенько подумаешь, наверняка вспомнишь немало примеров таких изменений. Здесь, на ферме, мы наблюдаем их постоянно. Все эти молодые люди приехали сюда именно для того, чтобы пересмотреть свои отношения с миром, занять в нем другое место».

«Им это удается?»

«Да. Не всем, но многим».

Он покосился на Леру, а Лера в то же самое время — на него. Единомышленники. Что ж, Нора рада была убедиться в том, что ее сестра тоже сделала правильный выбор. Внесла изменения в свой проект.

Аркадий встретил ее сдержанно, но в целом дружелюбно. Разговаривая с ним, отвечая на вопросы, какие задают исключительно для приличия, Нора в первые же минуты знакомства решила никогда, ни при каких обстоятельствах, не спорить с ним, не ссориться и не ругаться. Перевоспитывать взрослых людей в принципе дело неблагодарное, а уж таких людей, как Аркадий... Вот бы послушать его диалоги с Германом. Тот не производит впечатление человека сговорчивого. Должно быть, когда им случается «зацепиться языками», лязг стоит на всю Вселенную.

Вздохнув, Нора устраивается поудобнее, натягивает одеяло до подбородка, но чуть погодя, прислушавшись к себе, отбрасывает его и садится на кровати. Ей хочется пить. Кажется, с вечера в коричневом керамическом чайнике оставалась заварка, и если добавить остывшей кипяченой воды и ложечку меда...

Набросив халат, она выходит босиком в коридор. Идти по теплому дощатому полу приятно. Изнеженные ступни горожанки чувствуют каждую трещинку, каждую крупинку. Бесплатный массаж. Дверь кухни распахнута настежь, занавески на окнах раздвинуты, и света, проникающего снаружи, вполне достаточно, чтобы передвигаться без фонарика, не боясь набить себе шишку на лбу. Неужели здесь всегда так светло? Вроде белые ночи приходятся на май-июнь. Или в июне бывает еще светлее?

Так, заварка... мед... Стараясь не греметь посудой, Нора снимает с хромированной сушки большую белую кружку с изображением смешной пятнистой коровы, осторожно ставит на стол, наливает чай, добавляет мед, тихонько помешивает ложечкой. Подходит к окну и, глядя через стекло на залитый бледным сиянием сад, пьет из кружки маленькими глотками.

Хорошо. Как же хорошо.

Последний год был непростым, ей пришлось распрощаться со многими иллюзиями, и теперешний приезд на Соловки, который она долго планировала и откладывала, планировала и откладывала, мог задать новое направление ее мыслям, привести к появлению новых планов, целей, желаний.

Да, обновление крови не помешало бы.

Из состояния задумчивости ее выводит слабый стук в коридоре... шепот, отрывистый смешок... шлепанье босых пяток по доскам пола, щелчок задвижки на двери ванной, плеск воды... и благодаря этому она замечает — поскольку, прислушиваясь, продолжает смотреть на улицу, — маленькую шуструю тень под яблоней. По густой зеленой траве крадется кот. Прыжок! Кажется, у Котофея Ивановича сегодня будет пир. Возня, которую он затеял на лужайке, заставляет подозревать, что охота была удачной. Днем Нора видела шмыгнувшую под крыльцо мышь и, надо полагать, это была не единственная мышь в округе.

Спустя время задвижка щелкает вторично, вновь раздается звук торопливых и осторожных шагов — полуночник изо всех сил старается не шуметь, — потом шепот, хихиканье... Прикусив губу, чтобы не захихикать

тоже, Нора стоит неподвижно с кружкой в руках и смотрит в сад.

Если взрослый серьезный мужчина способен хотя бы изредка вести себя как влюбленный мальчишка, то для него еще не все потеряно. Интересно, вот сейчас, по прошествии стольких лет, что он думает о своем скандальном романе с красоткой Регионой. Удалось ли ему выкинуть Регину из головы? Задаваясь этим вопросом, Нора хорошо понимает, что он порожден отнюдь не сестринскими чувствами, а обыкновенным женским любопытством. Но не стыдится. Ее переполняет необъяснимая уверенность, что наконец-то она оказалась в таком особенном месте, где можно не стыдиться и не бояться ничего.

3

На завтрак традиционно кормят овсянкой, творогом и булочками со сливочным маслом. Нора сидит за столиком у открытого окна и, ковыряясь в тарелке, с любопытством поглядывает по сторонам. Ей нравится наблюдать за здешней публикой. Размышлять о характерах малознакомых людей, на основании каких-то незначительных деталей делать выводы о существующих между ними взаимоотношениях. Она воображает себя «за кадром», и это помогает ей поддерживать иллюзию непричастности.

Время от времени она сама становится объектом наблюдений. Как, например, сейчас. Рослая девица по имени Фаина старается вести себя как человек, занятый исключительно кашей и общением с сотрапезниками, но у нее плохо получается. Глаза, словно бы живущие собственной